

АЛЕКСАНДР МИНДАДЗЕ:

культура. 2000. - 28 сент. - 14 окт. - с. 8

Я чтит закон, но обманывал чиновников

Александр МИНДАДЗЕ — киносценарист, написавший сценарии десяти фильмов. Среди них — «Слово для защиты», «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет», «Пьеса для пассажира», «Время танцора»... Одни эти фильмы принимали, другие отвергали, но всегда они оказывались в центре внимания.

— Александр Анатольевич, над чем вы работаете сейчас?

— Скажу о том, над чем поработал. Закончил киноповесть. Действие происходит в пятьдесят девятом. Герои — простые парни, друзья. Но один на поверку совсем не прост, он чрезвычайно хитер, однако его действительно простодушный друг все происходящее с «умным» принимает за чистую монету. Рассказ ведется от лица простодушного. Его обуревают страсти, несчастья, любовь, он терпит фиаско. И не понимает, что стал лишь персонажем игры, которую ведет умный. Умный еще и врет: «Я готовлюсь к полету к звездам, я засекречен». И в бреду ему мнится все, что происходит через два года. В финале он едет в Мурманск с попутчиком, которым оказался сам Гагарин, и он еще не знает, что полетит в космос. Знаем мы с вами. И все заканчивается реальной кинохроникой. Вот такой фильм-химера, в котором реальные и выдуманные персонажи, выдуманный сюжет вмонтированы в исторический документ... И все же в выигрыше простодушный.

— Вы давно вынашивали замысел о картине с такими причудливыми наворотами?

— Давно, но в нем реализована новая кинематографическая эстетика. Акцент сделан не на подробном показе событий, а на эмоциях. Но я бы не сказал, что сюжет причудлив. Он естествен, логичен, потому что та несусветная ложь, которая нас окружала и окружает, перерастает в нечто невероятно... документально! Я еще закончил работу над телесериалом. Он посвящен недавно умершему актеру Мамуке Кикалейшвили. Фильм не о нем, но о человеке, обладающем отдельными черточками его характера. Хотя и сам Мамука вполне был достоин описания. Европейский артист, резкий, рациональный человек, в котором эти качества сочетались с грузинским

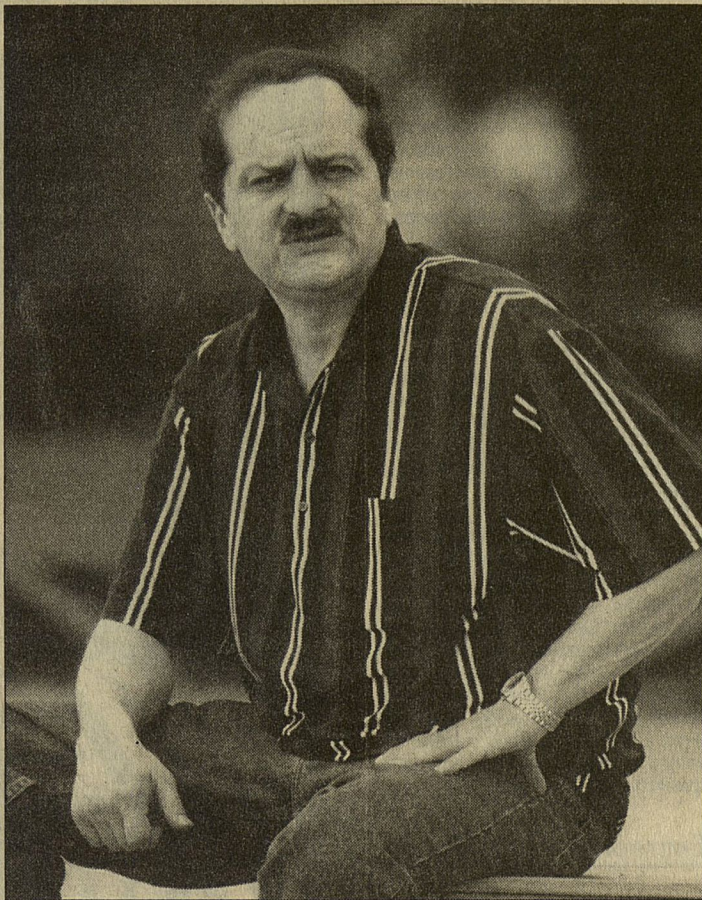

Фото Б.КРЕМЕРА

национальным характером. Мамука не из грузинских лирических, улыбочивых фильмов. Он интеллектуальный артист с лирической манерой. Из фильмов Иоселиани. Мамука так ждал завершения работы над сценарием! Но поди ж ты, как только я закончил сценарий, Мамука Кикалейшвили умер. Надеюсь, эти 20 коротких серий все-таки будут показаны на российском телевидении.

— Что для вас является импульсом для того, чтобы рука потянулась к перу?

— Раньше — столкновение с каким-то жизненным сюжетом, который хотелось размотать. Сейчас сложнее: самый первый побудительный мотив — ощущение необходимости работать. Как только запускаешь все свои двигатели, так ментально возникает нечто, за что хочется уцепиться. Ну, скажем, как появился фильм «Слуга»? Я читал судебное дело человека, жившего в Таганроге в андроповские времена. Ныне он был бы объявлен героем бизнеса. Он проворачивал всякие махинации, но полученные деньги тратил не на себя, а на раз-

витие производства. Жил достаточно вольно, имел любовницу и был, по сути, хозяином города. Потом пошел на повышение, его перевели в Москву. Любовницу он оставил в наследство своему водителю, который ему был предан, как собака. И вот этот поворот с любовницей мне показался интересным. Я увидел в моем «герое» что-то от дьявола. Но в особенности меня заинтересовал «маленький» человек, находящийся под влиянием патрона. Человек, который не осознает, что он всего-навсего пешка.

— Есть ли у вас, условно говоря, «агенты» в правоохранительных органах, ведь многие ваши сюжеты связаны с криминальной тематикой?

— Я сам работал в суде по окончании школы, следуя написанному закону: чтобы стать писателем, надо лучше узнать жизнь. К тому же существовало в те времена и официальное предписание: для поступления в вуз молодому человеку желателен был двухгодичный стаж работы, что я считал правильным. Вот я и работал. Судебным секретарем. Это серьезная жизненная

школа. Когда за день вникаешь в десяток бракоразводных дел, многое узнаешь о жизни. Немало узнал и в армии — я призывался по окончании ВГИКа и отслужил «от и до». К тому же, и это очень важно, у нас с Вадимом Абдрашитовым всегда был весьма квалифицированный консультант — Юрий Дмитриевич Северин, первый заместитель министра юстиции, фронтовик, очень славный человек. Он нас не только консультировал, но и помогал проходить через невероятные заслоны. С ними мы столкнулись, работая еще над первым фильмом «Слово для защиты».

Раньше было сложно пробить сценарий: существовала цензура. Но зато, если на нем ставилась начальственная подпись, деньги на съемки представлялись автоматически. И вплоть до сдачи фильма проблем не было. Сейчас можно снимать что угодно, вот только не на что. Что касается препон, то обмануть чиновника не составляло труда. Мы делали вид, что принимаем замечания. Но делали все по-своему. А приличные люди из чиновников делали вид, что все в порядке. Кино в те времена зависело от бесчисленных ведомств, которые порой были страшнее Госкино, хотя и в этой структуре было множество редакторов, которые демонстративно старались оправдать свою зарплату, требуя от авторов бесконечных поправок. Министерство юстиции указывало нам, что по закону адвокат не имеет права прийти к подзащитному домой: «Да, в реальности приходится, но так быть не должно». Мы возражали: «Искусство отражает не то, что должно быть, а то, что бывает». И начинался долгий спор. Споры велись и вокруг сценария «Охоты на лис». Когда мы работали над «Парадом планет», к нам придирались военные. И так было всегда. Однако находились люди, которые нас прикрывали. Во-первых, они блестяще знали право, во-вторых, любили искусство с его законами. И мы делали, что хотели.

— Как вы и Вадим Абдрашитов нашли друг друга?

— Когда мы пришли в кинематограф, существовала сценарная студия, где был собран портфель сценариев. Абдрашитов их просмотрел, наткнулся на мой. Заинтересовался. Да, при советской власти существовал нормальный, разумный режим реализации творческих замыслов. Заканчивая институт, молодой режиссер имел возможность показать авторитетным коллегам свою дипломную работу и попросить, чтобы его трудоустроили. По-

пробуй не трудоустрой способного режиссера, которому понравился сценарий!

— А в быту вы подружались?

— Разумеется. Хотя у нас как-то нет времени дружить в обычном смысле этого слова. Мы снимали фильм за фильмом, сняли десять, почти не отвлекаясь на другие дела.

— Бывают у вас взаимные претензии?

— Они основаны не на стратегических, а на тактических сиюминутных разногласиях. И мы всегда их решаем, потому что думаем не о славе, а о пользе нашего общего дела. Для этого надо быть единомышленниками.

— Вы пишете сценарий, ориентируясь на конкретного актера?

— Как правило, нет. Это сильно сужает рамки характера. С Олегом Борисовым я и Абдрашитов познакомились на картине «Остановился поезд». Он прекрасно подходил, но утвердить его на роль было очень непросто. Он в то время прервал работу в фильме «26 дней из жизни Достоевского» посреди съемочного процесса. Скандал был невероятный! Столько денег затрачено! Но Олег Иванович по идейным соображениям протестовал против того, что ему предлагалось играть. И Госкино запретило Борису сниматься, он стал запрещенным артистом. Потому не снялся в «Родне» Никиты Михалкова... Короче, мы, как всегда, обошли чиновничьи препоны. И вот, когда я писал сценарий фильма «Слуга», уже видел в одной из главных ролей именно Олега Борисова.

— Что вас более всего волнует сегодня не только как драматурга, но и как человека? Или это трудно разделить?

— Трудно, но можно. Как драматургу мне трудно преодолеть смутное ощущение тревоги, свойственное нам всем, и перейти к созданию конкретных сюжетов. Сейчас чрезвычайно быстро меняется жизнь очень многих людей. Кто-то прыгнул из небытия к сомнительной славе, кто-то подозрительно скоро разбогател, кто-то пережил крах. Не говоря уже о том, что война то кончается, то возобновляется... Но почему искусство так мало внимания обращает на жестокие реалии? Если иногда и пытается, то невыразительно, бледно. А ведь уже десять лет жизнь подобна мясорубке. И я мучаюсь: почему я не могу написать о молодом человеке, который пришел с войны? Почему я не готов к этому? Надеюсь, ответ придет в процессе работы.

Меня беспокоит и смешит глу-

пость и самонадеянность людей, которые всю свою деятельность сводят к служению собственному имиджу. Он для них превращается в самоцель. Уже важно не то, что ты делаешь, а то, что заявляешь. Наверное, это естественно для времени первого накопления денег. Оно вскрывает в людях уродливо-смешное. Это в нашем-то народе, с его устоями скромности и интеллигентности! Люди раскрываются странно и смешно. Ну судите сами: если человек приобрел сотовый телефон, так пользуется им почем зря всюду: в кабинете врача, у стойки бара, в троллейбусе, на каждом шагу! Чтобы выглядеть круче. А мне такой человек напоминает обезьяну. Так же, как наши актеры, которые под дождем ходят в солнцезащитных очках, подражая американским звездам в жаркой Калифорнии. Эдакое маленькое, трогательное провинциальное шоу.

— Что вы думаете о нашем молодом кинематографе?

— Его нет. Нет ни хороших режиссеров, ни хороших драматургов. Возможно, причина в отсутствии механизма выявления талантливых людей и их трудоустройства. Они остаются невостребованными. А проявляются, как правило, те, кто умеет работать локтями. Эти энергичные ребята, еще не сняв первой картины, уже посвящают ей пресс-конференцию.

— Скажите несколько слов о вашей семье.

— Моя жена — актриса Галина Орлова. Мы женаты почти 30 лет. У меня две дочери. Одной — 24 года, она театральный режиссер, а младшая учится в ГИТИСе на вокальном отделении. Внуков еще нет.

— Вы не просили того же Вадима Абдрашитова снимать вашу жену?

— В наших фильмах не было ролей для Гали. А подтасовками мы не занимаемся: слишком чистосердечно служим тому, что делаем.

— Галия на вас не обижается?

— Она лишена мелких амбиций кинематографических жен. К тому же понимает: мое кино — мужское, с неюными, некрасивыми персонажами.

— Бывает, что не пишется?

— Каждый раз, когда сажусь за стол, чтобы начать. Ужасное состояние! Не бывает так, чтобы сел — понеслось...

— И как справляетесь с этим ужасным состоянием?

— Переламаываю себя. Ах, не пишется? Значит, надо писать!

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ